

ПОЛИНА ГРИНЕВИЧ

ОТКРЫТКА
С ДОЖДЕМ

16+

ВЛАСТЬ СТИХИЙ

Полина Гриневич

Открытие с дождем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57100371

SelfPub; 2020

Аннотация

Странные и трагические события преследуют Веронику с самого детства. Люди кажутся тенями, тени скрывают людей. Вихрь событий забрасывает девушку в красивый приморский город, где она получает странную работу, знакомится с необыкновенными людьми, сверхъестественными силами и в конце концов сделает выбор между разрушением и созиданием. Роман является самостоятельным завершённым произведением в рамках вселенной цикла "Власть стихий". Автор обложки художник Юлия Жданова.

Содержание

Пролог. Сентябрь. Неон	5
Глава 1. Апрель. Желтое и голубое	9
Глава 2. Март. Серое	15
Глава 3. Апрель. Кофейного цвета	21
Глава 4. Апрель. Синее и черное. И золотое	29
Глава 5. Март. Серое	42
Глава 6. Март. Серое, черное, зеленое	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Когда думаешь, о человеке постоянно, ничего удивительного, если, в конце концов, тебе явится его тень.

(Айрис Мердок)

Способности, приобретаемые знатоком практической магии, сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими. Они будут всего лишь выражением тех или иных сторон натуры мага.

(Рейвен Гримасси)

Пролог. Сентябрь. Неон

Не люблю клубы. Странно, не люблю место, где никогда не бываю. Ну, почти никогда....

Может быть, мне не нравится эта музыка? Заставляющая сердце биться все быстрее и быстрее, пока, кажется, что остается только торопливо метнуться за ним в попытке удержать. Нет, я ничего не имею против транса и рэйва. Иногда, когда дома сижу на подоконнике и рассматриваю звездное небо. Полет, полет, он так тянет за собой....

Мелькание разноцветных огней, заставляющее зажмуриться и погрузиться в себя. Глубже, туда, где можно не думать и даже не ощущать ничего кроме вибрации звука. Свет, свет там самое желаемое то, что поможет найти место без тени, без теней.

Наверное, это из-за людей. Марлена права, я просто не люблю «человеков». Не мужчин или женщин, здесь их просто невозможно различить, среди вспышек стробоскопов, меня пугают силуэты. Не люблю, когда они рядом, сжимают кольцами невидимого боа, стискивают неясной толпой. Из тяжелого смешения ароматов невозможно выбраться, он окружает, затягивает, не позволяет дышать, как болотная яма, спрятавшаяся под красивыми цветочками. Не люблю когда эти неясные пятна, привидения порожденные грохотом, непонятные сгустки пытаются коснуться, пытаются за-

говорить, задержать, словно запятнать, отметить еще одну жертву этой магии безумия. Хотя, возможно, я просто не люблю мельтешения теней.

К счастью, мне редко приходится бывать в таких местах. Интересно, о чем будут шептаться в офисе, если кто-то все-таки заметит коллегу здесь. Я нервно повела обнаженными плечами, возможно наряд не совсем подходящий, хотя мне же безразлично? Мне безразлично.

Нет, никто меня здесь не увидит. Самый лучший, самый дорогой клуб на побережье, сюда попадет не всякий. И я вот, значит не всякая. Только в этом черно-белом антураже, среди вспыхивающих то здесь, то там ослепительных и мрачных квадратов, я еще не могу понять, какой из этих цветов мой.

Кажется, даже один приторно-сладкий коктейль слишком сильно на меня подействовал. Я плыву сквозь белый туман, стараясь не коснуться острых углов, внезапно выступающих из жгущих нервных вспышек. Надо торопиться, такси уже наверняка ждет, водитель с удовольствием считает дополнительные минуты, капающие прямо в бумажник металлические кружочки ночного тарифа.

Но сначала я должна сделать то зачем пришла. Неоновая подсветка превращает лица, сидящих за столом, в странные инопланетные маски. Свет – тень, свет – тень. Я теряю равновесие, упираясь в это пульсирующее сияние, и чуть не падаю прямо под ноги, сидящей за столиком компании.

Может быть, они засмеялись, а может, и нет. Мало ли

что происходит вокруг и эта странная девушка, скорее всего, просто перебрала, впрочем, как и большинство людей вокруг. Парень в середине с трудом поднимает голову и попытался сосредоточиться на моей персоне, но ему это дается с трудом. Во всяком случае, веки он разомкнул всего на мгновение, но и этого вполне достаточно. Прижавшись к груди здоровяка, девушка что-то пытается шептать на ухо, но мужчина явно находился в другой вселенной. Его тень застилает все вокруг и укрывает с головой сидящих рядом. За этим столиком и за другим, за следующим, тянется дальше и дальше мне под ноги. Тени всех остальных почти исчезли, слились с этой искрящейся словно черная река под луной пелериной. Одна за другой, один за другим.

Конечно, и в этот раз все было верно, правильно. Словно некое разочарование, печаль неудовлетворенности пробежала холодком по спине. Я не знала, как относиться к этому чувству. Я ждала? Чего же стоило ожидать, ошибки? Но они не ошибаются. Только не они.

– Марек, пускай она уйдет. Маречку, смотри какие у нее зрачки, во все глаза. Наверно, наркоманка.

Черное пятно зашевелилось, теперь оно казалось, так же всматривается в меня, как я секундой раньше изучала его очертания. Всматривается, словно готовится к прыжку. Но не сейчас, и надеюсь уже никогда. Девушка словно что-то почувствовала и уже почти истерила, пытаюсь двумя руками приподнять и привести в чувство своего спутника.

Не надо задерживаться. Мне больше нечего здесь делать. Развернувшись, почти бегом направляюсь к выходу, стараюсь по пути никого не коснуться. Люди расступаются, словно не понимая, почему это делают, и я успеваю добраться до выхода прежде, чем девушка за дальним столиком начинает визжать.

Глава 1. Апрель. Желтое и голубое

Апрель чаще всего это предвкушение всего самого лучшего, самого яркого. В воздухе невидимые семена чудесного уже всюду парят в небесном сиянии. Всё вокруг готово раскрыться, впитать пульсацию проснувшихся ярких оттенков. А такой апрель как в этом году бывает очень редко, может вообще только раз в жизни. Пускай синоптики обещают, что скоро все это превратится в обыденность, но сейчас я не могу воспринимать этот день иначе как чудо.

Сегодня теплее обычного и все вокруг радостно воспевало эту необыкновенную щедрость ласкового весеннего светила. И пускай звуки вокруг только набирали щедрую силу, лихорадочно искали свой ритм, пускай еще несмелый. Но все уже наперегонки выбирали мелодию близкую настроению, как умели, отзываясь зеленью баллады, белыми лепестками клавиш, романтической пьесы, голубым вальсом кружащихся порывов ветра. Даже вчера еще серый цвет морской волны обрел необычную прозрачность, оставив тяжесть холода за горизонтом и намекая полупшепотом саксофона, еще чуть-чуть и я разукрашу этот танцпол акваарином.

Я же, ступая босиком по летнему песку Сопотского Пляжа, оставалась со своим вечным блюзом. Босоножки в руках, закатанные джинсы и связанная небрежным узлом белая блуза – сегодня я хотела, чтобы не ко времени такое замеча-

тельное внезапное солнце оставило свой яркий след на коже. Тепло должно было заполнить пустоту, изгнать остатки темноты, осколки почти забытого, затерявшиеся в самых отдаленных укромных уголках. И кажется, сегодня полуденному солнцу удалось справиться с этой задачей. Во всяком случае, блюз который сопровождал меня в этой прогулке, приобрел все более яркий ритм и кажется, я уже пыталась напевать эту мелодию, забывая время от времени обо всех этих людях, с таким удовольствием гуляющих по пляжу.

Интересно, смогу ли я так же как они стать совершенно беспечной и не думать о том, что произойдет не только сегодня-завтра, но и через несколько месяцев, может лет. Нет, какая же это ерунда. Все думают о будущем, только, наверное, по-другому, так как я раньше.

Но сегодня, затерявшись среди всех этих беспечно-веселых людей вырвавшихся из мартовского сумрака в тепло первого дня раскрашенного летними красками, дня щедро наполненного настоящим теплом и настоящим светом можно отбросить все мысли. Все всякие мысли. Можно просто впитывать жизнь как в детстве, подняв лицо к солнцу и закрыв глаза ладошками. Стоять и ощущать, как тепло лениво поднимается по венам. От пяточек, утонувших в невесомых, надышавшихся жара песчинок, прямо к сердцу.

Как обычно, туристы кормили пару лебедей, важно ступающих у самой кромки воды. Стая чаек нерешительно хлопотала рядом, то подходя чуть ближе, то взлетая, словно в

страхе, то опускаясь на воду вблизи горделивой пары. А те продолжали принимать от людей дары с истинно королевской грацией.

Я некоторое время тоже стояла и любовалась царственными птицами, но они даже не косились в мою сторону, ведь в ладонях не было ничего, что могло бы их заинтересовать.

Согретая необычным для этого времени года теплом масса отдыхающих на Сопотском Моле лениво фотографировала эту сцену, также как и все остальное вокруг. Иногда, разомлевшим на первом в этом году, настоящем солнце, людям надоедали всевозможные селфи, и тогда мужчины пытались украдкой фотографировать уже совсем полетнему одетых девушек. Кусочек чужого тепла, который останется только у них и будет жить своей особенной жизнью, может быть очень долго. Хотя возможно неудачливый фотограф, скривившись, сотрет кадр уже через несколько минут. Или наоборот, эту фотографию увидит кто-то другой и придумает целую историю о мужчине и девушке.

В этот момент я поняла, что уже совершенно неприлично опаздываю и запрыгала на одной ноге стараясь стряхнуть прилипшие песчинки.

Ветерок с моря окутывает совершенно необыкновенным запахом. Какой же это апрель? Я вдыхаю воздух лета и чувствую, что еще секунда и смогу взлететь в этом невероятном потоке, отдаться ветру подобно белому воздушному змею. Сейчас встану на цыпочки, оттолкнусь кончиками пальцев

от разомлевшей на солнце песчаной дюны и поплыву. Рядом с невесомыми облаками, такая же светлая и беспечная в этом нежном бризе.

Щелчок затвора фотоаппарата заставил замереть на мгновение, а через секунду я уже решительно направляюсь к фотографу, который, кажется, удивился, видя такое недовольство на моем лице.

– Пани! Пани не должна так сердиться пока не увидит фото. Клянусь, это шедевр.

Я замерла буквально в шаге от мужчины, почти упершись в его грудь с накачанными мышцами под разлетающейся курткой. “Опаздываю! Да, да!”

Нормальная, ответственная девушка должна, обязана сделать шаг в сторону, не оглядываясь, пересечь парк с дурацкими скульптурами и через пять минут быть на паркинге у лютеранской церкви. У своего желтого жука, с нетерпением ожидающего меня уже столько времени впитав весь этот яркий свет.

Но я остаюсь и поднимаю голову. У него серые глаза, а может быть почти голубые. И он смеется, рот до ушей. Счастливый такой и я тоже улыбаюсь. Совершенно по-глупому, может это весна так действует, глупые птицы на берегу. Глупая я.

– Вот, смотрите.

Он поворачивает свой аппарат, в объективе я вижу живую себя. Действительно живую. Может быть сегодня день такой,

а может просто время пришло?

– Как тебя зовут?

Молодой человек делает еще один снимок, и я просто не могу не рассмеяться прямо в объектив. Что такое происходит с тобой Вероника?

Щелк, щелк, щелк. Японские объективы огромные, дорогие. Я, кажется, даже пытаюсь изобразить что-то перед камерой. Хотя в джинсах, закатанных до колен и с растрепанными волосами это трудно. Но я, почему-то снова улыбаюсь. Где-то за спиной волна набегает с тихим шепотом, потом еще одна.

– Михал. Михал.

Михаил. Нет, с этим именем меня ничего не связывает. Может быть пока. Я сажусь на доски на тропинке и пытаюсь натянуть эти ужасные кеды. Почему я выбрала этот цвет? Смотрю искоса. Боже, сейчас решит, что строю ему глазки! А он продолжает фотографировать, делая кадр каждую секунду. И в этом я ощущаю какую-то странную близость. Мы еще не знакомы, но он уже знает обо мне так много. Во всяком случае, так много меня останется у него.

Так просто невозможно. Что-то надо сделать. И солнце светит прямо в глаза, заставляет жмуриться совершенно глупо, так как это делала кошка дома. Дома. А сейчас дома нет.

– Пани! А Пани как зовут?

Странно, может быть это апрель виноват, а может быть подруга права, просто устала и мне необходимо лето. Хотя

вполне возможно мне необходимо совсем другое. Вот я совершенно точно поняла, прямо сейчас, мне необходимо все.

– Ника.

Я выхватываю фотоаппарат из рук, отступаю на шаг и делаю снимок, один, другой. Потом поворачиваюсь и пытаюсь запечатлеть весь этот мир. И день.

Глава 2. Март. Серое

В этом кабинете, наверное, недавно делали ремонт, но некоторые места, по определению обязательно должны погрузиться в обычную рутину уже спустя минуту как бригада строителей нанесла последний штрих. А может быть все дело в том, что в таких местах люди отбрасывают слишком много теней?

– Ваше имя и фамилия?

– Кажется, я уже говорила.

– И что же? Таков порядок.

– Вероника...

Я чуть не назвала фамилию Сергея. Ну да, в последнее время столько думать, прикидывать, как это будет звучать. Вероника Завадская. Или с отчеством. Вероника Венедиктовна Завадская. Кажется, звучало красиво. Или я просто так думала. А другие думали иначе. Думать никто не запрещает. Даже таким как я.

Вечерами, лежа в постели, когда Сережа засыпал, строила несбыточные планы, даже придумывала детские имена с этим отчеством и фамилией. Кажется, свет не видывал более страшной дуры, чем девушка Ника.

– Итак.

В таких местах даже запах особенный, с самого первого дня. Я так думаю, хотя раньше нигде дальше паспортно-

го стола не бывала. Просто мне кажется, что здесь пахнуть должно именно так, безнадежностью и пыльной серостью.

– Вероника Ракитина.

– Год рождения.

Кажется, такого не должно было произойти. И все же, теперь я понимаю, что однажды это должно, могло случиться. Произошло сейчас, и теперь, я сижу в этом отделении милиции (Это ведь милиция? Полиция. Да, теперь так.) на стуле, который готов рухнуть при малейшем движении, и пытаюсь убедить в первую очередь себя, что произошедшее просто нелепая, глупая ошибка.

В общем-то, мне не очень надо пытаться. Когда человек выпадает из окна в присутствии множества других людей, когда он при этом пьян и все свидетели подтверждают это в один голос. Впрочем, откуда я знаю, что они говорят? Просто я так думаю.

– Восемьдесят девятый.

Следователь смотрит на меня удивленно, и я не могу, понять, что во мне не так. Кажется ничего такого странного и необычного. Может быть то, что мне уже скоро тридцать лет и я все еще не замужем. И ни разу не была.

Впрочем, скорее всего и не буду. Неудачница. Это знают все. Как тут выйдешь замуж, когда и живешь-то, озираясь по сторонам каждую минуту.

Этот парень, что сейчас даже не скрывает отсутствие особого интереса к этой трагедии и только посматривает в но-

утбук так, как будто вся история уже записана в памяти компьютера в мельчайших подробностях, а сейчас можно для собственного удовольствия попытаться поймать меня на ошибках в ответах. Как на экзамене.

Такие мысли могут завести меня далеко. Впрочем, уже завели. Следовательно, сидит напротив, облокотившись потемневшими локтями не новой и совсем не модной рубашки об поверхность стола, он мог бы спрашивать совсем о другом. На минуту мне даже стало на самом деле интересно, пере- сказала бы я свои лихорадочные мысли? О чем думала всю ночь?

А впрочем, если я в очередной раз начну здесь говорить о своих видениях то, пожалуй, меня точно упекут в психушку, и даже помощь подруг никак не поможет.

Хотя, после произошедшего, вряд ли у меня останутся подруги.

– Ваш знакомый, Сергей Завадский выпал из окна вчера в семнадцать часов одиннадцать минут. Вы в этот момент присутствовали в квартире?

– Да.

Тень. Тень, на стекле которую отбрасывали они оба. Кажется, это был салют, и в свете огней эта тень внезапно проявилась так четко. Она тянулась ко мне сквозь комнату полную веселящихся, пьяных и трезвых, счастливых и не очень злых, тянулась, словно пыталась заляпать, оставить противное мутное пятно навсегда.

Я отступила на шаг и сказала просто, не надо. Я не хочу.

А он улыбнулся, помог своей новой подруге сесть рядом. Взглянул в мою сторону. Может быть, он был особенно счастлив, увидеть меня так близко и почувствовать мои эмоции. Может быть. Во всяком случае, Сергей смеялся и до последней секунды держал эту девушку за руку. А потом встал на подоконнике и, взмахнув руками, начал читать стихи. Все слушали, тень тоже слушала. Но смотрела в мою сторону. Она наслаждалась тем, что когда-нибудь все-таки коснется, пускай чуть-чуть, и тогда я перестану быть такой как сейчас. Игра воображения, как же еще?

Я повернулась и хотела уйти, сейчас же. Но все они стояли и кричали браво. Лена тоже, замерла в восторге. Она была рядом, всего в шаге, я чувствовала ее запах, и меня мутило от этого аромата. А тень ее дрожала, будто в предвкушении. Тени, они как люди переживают каждое мгновение по-своему.

– Так вы, госпожа Ракитина, подтверждаете показания других свидетелей?

Я подтверждаю. Я готова подтвердить все. Просто не смогла больше терпеть. Чего все эти люди хотели от меня? Чему они на самом деле радовались. Пускай это был праздник. Не для меня.

– После того как ваш знакомый, Сергей Завадский, закончил декламировать стихи и объявил, что посвящает их присутствующей в комнате Елене Коломеец вы закричали...

И что ты можешь знать, что могли знать все они? Я боролась за себя. И не только.

– Да. Я крикнула. Так бывает. Я не понимала, за что он так.

Следователь закашлялся и отпил чаю из старенького граненого стакана. Потом отвернулся и вытер губы салфеткой. Раздавленный лимон распался на нити – кусочки и они плавали по всему стакану мутной пеленой. Рути-и-ина.

Впрочем, он, наверное, счастливый человек. Хотя даже и не подозревает об этом. Его тень мала и почти не видна. Ты живешь и не замечаешь ее. Никто не замечает.

– Вы закричали. “Хватит. Уходи”. После чего потерпевший споткнулся и выпал из окна.

– Да. Так и было.

Сергей очень удивился. Да, это, наверное, самое хорошее определение. Сергея пронзило удивление. Ведь он так привык, что я только молчу. Или поворачиваюсь и ухожу. Иногда бывает плачу, но ему не показываю. Хотя теперь надо говорить показывала, ведь он умер. Но боль еще живет. Ее боль, не его.

– Вы так спокойно об этом говорите. С вами все хорошо?

Я смотрю прямо в глаза этому мужчине. На такой вопрос ответить очень трудно. Может быть, со мной совсем не хорошо. Даже не так, со мной все было нехорошо с самого начала. Но это не твое дело, следователь Виталий. Отвожу взгляд первой.

– Да, нормально.

Некоторое время следователь продолжает, молча, рассматривать меня в упор и я чувствую, как внутри нарастает отвратительное чувство вины. Сама не знаю, что должно произойти, но не хочу, чтобы это произошло. Мужчина наливает воды и протягивает мне, а я как дура не понимаю, продолжаю смотреть в его глаза, и теперь уже следователь не выдерживает.

– Подпишите здесь.

Вот как просто. Впрочем, разве может быть по-другому? Главное сейчас не заплакать прямо здесь и не испортить все. Поспешно хватаю стакан и делаю глоток. Большой глоток теплой и удивительно невкусной воды. Мне становится лучше.

– Я свободна?

Он забирает подписанный протокол и прячет его куда-то в приоткрывшиеся на мгновение темные глубины канцелярского стола. Потом смотрит в мою сторону, уже совершенно равнодушно.

– Пока свободны. Экспертиза установила, что господин Завадский умер от разрыва сердца. О землю ударилось уже мертвое тело.

Глава 3. Апрель. Кофейного цвета

Рената, судя по всему, сейчас уже дойдет до кипения в своем стеклянном аквариуме. И совершенно зря. Пускай она и попросила приехать сегодня к концу рабочего дня. Но формально я по-прежнему в отпуске. И более того, завтра уезжаю в давно обещанную мне Венскую клинику. Заработала.

Стараясь оттянуть неприятное начало разговора, еще раз выглядываю из-за угла и вижу, что начальница уже больше не вышагивает по кабинету, а усевшись в свое суперкресло, отвернулась к окошку, начав очередную бесконечную телефонную беседу.

Моя начальница классная баба. И пускай она, как говорится, фрукт не первой молодости, но остается в свои годы настолько стильной и подтянутой, что мужики, редко попадающие на наш этаж, сразу приобретают вид котов у дверей мясного магазина. Войти хочется, а боязно.

А мне с ней легко. И на работе, и когда отлучаюсь из офиса. А отлучаюсь я, бывает на несколько дней. Другие морщатся по делу и без дела, хотя тоже, бывает, занимаются не своими, так сказать прямыми обязанностями. Ну, уж так судьба распорядилась. Я это так называю, потому что так проще.

Во всяком случае, никогда не спрашиваю, чем они там занимаются, вне офиса, пускай их тень иногда и становится

длиннее. И гаже. Вам кажется странным такое слово? Но оно подходит как ни одно другое.

Но вообще-то все они неплохие люди. Со своими причудами и странностями. Иногда после работы можно с ними поиграть в бильярд. Конечно, я не очень хорошо играю. Чаще всего я просто попадаю по шарам. Или не попадаю. Но я благодарна мальчикам из отдела сопровождения за то, что научили меня этой игре, ведь раньше я не понимала в чем радость от пуляния шаров.

Но иногда на меня находит. Все уже знают, чувствуют этот момент, когда вместо меня начинает играть тень. В эти минуты шары вдруг начинают двигаться по странным траекториям, и одного необыкновенного касания бывает достаточно, чтобы выиграть партию. Как это происходит? Я не смогу объяснить. Возможно, тени действительно могут управлять друг другом, как они пытаются управлять людьми.

Рената уже несколько раз пыталась убедить меня, что все эти тени обыкновенная выдумка. Что я придумываю эти мрачные силуэты просто для того чтобы нарисовать для себя образ какого-то призрачного врага, странное темное облако скрывающего реальные лица людей. Я не спорю и соглашаюсь. Возможно это правда, ведь тени появляются редко, мелькают, где-то проплывая, касаясь, словно краешка сознания. Словно вдруг слышишь шаги за спиной, оборачиваешься, а там никого. Пустота, которая заставляет тебя бестолково озираться, чтобы, в конце концов, просто махнуть рукой.

Всему можно найти объяснение, так же как один человек объяснил движение шаров сложной формулой. Этот ученый придумал свои расчеты, как раз на основе игры в бильярд, но в некоторые мои дни он вряд ли смог бы создать свою теорию.

Рената говорит, что я избранница богини и когда-нибудь встречу с повелительницей всего, чтобы получить награду из ее рук. Для меня эти слова ничего не значат, и я не понимаю, как моя начальница может верить в то, что Инанна когда-нибудь посетит нас, одновременно не доверяя моим словам о тенях. Я выполняю странные поручения, якобы оберегая нас всех, и в то же время не могу найти понимания ни у своей начальницы, ни у коллег.

Ну вот, она уже закончила свой разговор и теперь машет в мою сторону. Это ее особенность или как она иногда говорит, ее фишка. Когда меня представляли Ренате, еще в самом начале, то с серьезным видом было заявлено, что ее стихия – воздух, а так как воздух проникает везде, укрыться от ее всевидящего взгляда невозможно.

Теперь я уверена, что это правда, ведь даже движение паутинки в раскрытом окне не останется без ее внимания. Впрочем, как и то, кто чем занимается. И с кем.

– Кофе, кофе, кофеечек. Ника, дорогулечка, сделай нам кофе. Надо немножечко поговорить.

Все эти смягчения, мимимишные выражения были еще одной отличительной чертой этой женщины. Смешно бы-

ло смотреть, как она обрабатывает очередного клиента, или разговаривает по телефону с крутым водителем фуры, заливая его потоком таких розовых словечек.

Я жду, пока кофемашина приготовит две порции напитка с воздушной пенкой. Я пью всегда со сливками, ну кроме тех случаев, когда пью какой-нибудь другой. На меня находит, так же как с бильярдом, только реже. А Реня пьет двойной черный. Такой адский напиток как раз соответствует ее обычному настрою. Такая темноглазая брюнетка в строгом костюме должна пить крепкий кофе, нет “кофеечек от чертика”.

Две чашечки, абсолютно одинаковые, черная ароматная жидкость уже нагрела белые стенки. Один кофе с сахаром, другой без. Я смотрю некоторое время в эту черноту и размешиваю сладкую начинку. Размешиваю и размешиваю против часовой стрелки. Потом включаю машину еще раз.

Рената сидит у окна, вытянув ноги, в красивых чулках и курит, стряхивая пепел в своего склонившегося в неприличной позе чертика. Курить в кабинете можно только ей, как впрочем, и одеваться на работу, словно на прием к ее необычным друзьям.

Поднос с тремя приборами ее нисколько не удивил. Мы играли в эту игру раз в месяц, не реже. Конечно, она угадывала всегда, иначе и быть не могло. Я знала, что она угадает, а она знала, что я знаю.

Это всегда был самый простой способ поднять настрое-

ние хозяйки кабинета, и я пользовалась этой возможностью. Пользовалась изредка, когда ситуация была неясной и хотелось попытаться перевести беседу в более непринужденную обстановку.

Собственно говоря, это удалось и на этот раз. Пани Рината не говоря ни слова, взяла с подноса чашку, с подслащенным напитком, оставив мне возможность выбора из двух других, одинаковых. Кажется, ее глаза сверкнули на мгновение, но потом она вновь повернулась к окну и медленно выдохнула облако сигаретного дыма.

Я замерла, не произнося ни слова, мешать начальнице, наслаждаться Чапменом и кофе могла только круглая дура. И я старалась только смачивать губы, сохраняя столь же глубокомысленное молчание.

Наконец, Рената отставляет свою чашку и несколько секунд просто рассматривает меня, смешно склонив голову. В конце концов, она принимает решение, что уже достаточно загипнотизировала меня своими ведьмовскими глазами и прячет их за густо накрашенными ресницами.

В этой затянувшейся паузе я не нахожу ничего хорошего. Вся эта встреча в опустевшем офисе, в обстановке, которая одновременно официальная и в то же время с каким-то намеком на дружеские отношения, приводит меня в уныние.

Я уже хорошо изучила характер этой женщины. Для этого даже не требовалось обращаться к моим способностям, или быть дипломированным психологом. Любую неприятную

новость, любое решение, которое могло отразиться на другом человеке, она сначала переживала сама, потом придумывала тысячу самых разнообразных способов хоть немного смягчить новость и убедить, в первую очередь себя, что все решится без заламывания рук и потоков слез.

В глубине души я уже понимаю, что Рината сообщит мне нечто такое, что вряд ли меня обрадует, но я даже немного благодарна за то, что она оттягивает момент, когда будет вынуждена сообщить свою неприятную новость. Можно притвориться и попробовать поверить, что эта беседа, эти посиделки назначены просто так, от нечего делать. Вот сейчас пани Реня поинтересуется, как проходит отпуск, как я готовлюсь к поездке в наш замечательный венский центр красоты и здоровья или почему я снова сменила стрижку.

– Ты, Ника странная. Я даже не знаю, кто из нас страшнее в этой дыре, которую по недоразумению называют транспортной компанией. Но раз уж мы свалились сюда, причем не по своей воле нужно как то разбираться во всем этом чудесном приключении.

Я рассматриваю жалкие остатки своего маникюра и раздумываю, стоило ли менять мастера и платить в полтора раза больше.

Иногда мне в голову приходит совершенно дикая мысль, я хочу спросить Ринату, с удивительной, не польской фамилией, сколько ей лет. Это желание появляется чаще всего тогда, когда я чувствую себя совершенно уставшей, непри-

годной ни для чего мало-мальски полезного, а вынуждена выслушивать ее обычное, длинное предисловие. После вступительной речи следует таинственное «когда-нибудь». Когда-нибудь, а пока, пока я должна буду сделать еще нечто. Нечто такое, волшебное.

Волшебство. Я знаю, что это такое. Я лежу в темной комнате, в холодной пустой постели и смотрю в темноту. Я никогда не включаю свет после того как все происходит. Бывает даже несколько дней. Ночей.

– Ника. Ты хочешь что-то спросить?

Я просыпаюсь. Кажется, я потерялась и мой кофе, который должен был бы придать уверенности просто погиб в чашке, растерял и тепло, и силу, и магию.

– Простите, пани. Что-то мне нехорошо.

Она смотрит на меня секунду, словно взвешивая на своих весах, добавляя и сбрасывая гирьки по вкусу, а потом вновь отворачивается к окну.

– Завари ещё кофе, девочка.

Может это ответ на мой вопрос. А может быть, я просто так думаю. Или думаю, что думаю. Я завариваю две чашки и вновь насыпаю сахар в одну. Хотя мне сейчас тоже не помещает топливо для мозгов. Но я не люблю менять привычки.

Рената берет свою чашку, не колеблясь ни секунды. Она уже успела почти докурить еще одну сигарету.

– Ты не получишь ответ на свой вопрос девочка. Вопрос смешной, глупый. Ты поймешь, позже. Не сейчас. А впро-

чем. Никогда я тебе не скажу.

Я пью и пью бесконечно безвкусный кофе. Определенно, с сахаром я погорячилась.

– Надо еще немного поработать девочка. Это важно.

Кажется, что в кабинете душно. Движение на аллеях Независимости увеличивается, с каждым днем все сильнее. Я подхожу и смотрю. Даже отсюда, с десятого этажа хорошо видно как вереницы автомобилей стараются оттолкнуть друг друга. Они мчатся рядами не оставляя пространство свободным ни на минуту. Мчатся в мельтешении теней.

– Это очень важно.

Глава 4. Апрель. Синее и черное. И золотое

Весеннее лето. Насколько же это приятнее обычного дня, скажем в июле, когда жара уже раздражает и замершие в воздухе солнечные лучи, заставляю искать какое-нибудь укромное местечко с приятной тенью и кондиционером. Но сейчас, сейчас я с удовольствием позволяю этим солнечным зайчикам поискать, еще не раскрывшиеся летним приключениям, самые укромные уголки тела. Прочь рутина, прочь весь этот сплин серого неба и серого моря. Прочь тоска пустых улиц и задернутых занавесок. Да здравствует тепло, шум шагов, взгляды, взгляды разные, но совсем не сонно-равнодушные. Настоящая весна!

Сидеть во время рабочего дня в ресторанчике на веранде среди Сопотского столпотворения было делом приятным и я не чувствовал ни малейшего угрызения совести. С какой стати?

Веранда нагрелась на весеннем солнышке, клеточки дерева вспомнили, какими они были когда-то и распахнулись навстречу теплу. Теперь можно было с удовольствием вдыхать этот живой аромат, не забывая, конечно же, каждым глотком оригинального напитка добавлять романтики среди пестроты плавно проплывающей людской массы.

Судя по всему, не я один решил забить сегодня на все эти скучные обязанности. В разномастной толпе, среди активно переставляющих скандинавские палки женщин с будущим, уверенных в себе бизнесменов средней руки с немаленьким бумажником и еще большим пузом, попадались вполне себе интересные экземпляры местной фауны.

Вот та чернокожая девчонка аккуратно придерживает на коротком, но прочном поводке, двух молодых любителей экзотики и явно обладает магической силой. С такими глазами и задницей она просто завораживает всех вокруг. К сожалению, эта магия совсем не та, которая меня интересует. Девушка обернулась и попала в кадр. Подождав несколько секунд, с удовольствием отмечаю, что негритянка вовсе не подумала возмущаться, а даже оглянулась на ходу еще пару раз.

Эх, может быть и стоило откликнуться. Но лень, пиво не допито. Может быть потом, в местной Политехнике удастся бывать достаточно часто, а эта дикая орхидея почти наверняка студентка. Или удастся перекинуться, словом чуть позже, когда я все-таки найду силы спуститься к морю. Думаю, эта дикая орхидея будет где-то там собирать коллекцию немцев, шведов и местных усачей.

Некоторое время продолжаю играть в смену света и тени, подбирая образ за образом для новой коллекции на флэшке своего телефона. Конечно, потом почти все придется стереть, но сейчас можно было сполна полюбоваться пойман-

ными в кадре мгновениями.

Толпа все также стекала по Монте-Кассино, стараясь укрыться в тени домов наверняка хорошо помнивших времена, когда городок назывался Zorrot. Сколько сегодня прошло мимо мужчин и женщин, десять тысяч? Может быть, а может быть и больше. Интересно, как бы они реагировали, если бы узнали, что всех их изучает живой сканер.

Вот только пока этому необыкновенному живому инструменту не очень везет. В смысле и сегодня не удалось ничего найти. Возможно, здесь умеют скрываться, так что чужой взгляд не способен распознать необычное. Или на самом деле мои способности слишком преувеличены и, призвав меня в свой прекрасный городок, эти люди просто чересчур много фантазировали.

Но на фантазеров они не были похожи. И аргументы, которые приводили при оформлении соглашения, тоже были весьма серьезными.

– Господин Лебедев, вы приходите из очень хорошей семьи, поверьте мне. Мы наблюдали за вами некоторое время, и с удовольствием хочу отметить, что надежды связанные с вашими способностями оправдались вполне.

Сначала я воспринял эту беседу как некую мистификацию. Два человека, с которыми он встретился в столичном ресторане, выглядели и разговаривали так, словно сошли с выцветших страниц старинного романа.

Хотя на самом деле говорил все время только один из

них, тот, кто казался чуть моложе. Возможно, только казался, определение его возраста все время ускользало, в зависимости от выбранной в эту секунду позы или манер. Во всяком случае, ему было больше сорока, может быть даже под пятьдесят, но выглядел он неплохо для своего возраста. Пожалуй, я бы не стал пробовать выяснять, кто из нас крепче, скажем в реслинге, несмотря на все его морщины. Такой может быть киношным мастером боевых искусств, или телохранителем на подхвате. Короче референт для особых поручений с массой дополнительных способностей. И то, что беседу вел именно он, заставляло думать, что он находится, может быть временно, в положении исполнителя воли второго, бородатого мужчины.

Шеф же совсем никак не реагировал на происходящее, почти все время не отрывал безразличного взгляда от пейзажа за окном, время от времени поворачивая в пальцах изысканную трость с серебристым набалдашником в виде женской головы с растрепанными ветром волосами. Судя по всему его костюм, мог стоить половину моего годового заработка. Или даже весь. Не говоря о туфлях явно вручную сшитых из кожи какого-то очень редкого крокодила.

Тот же, определенный мною на роль спикера, застегнутый на все пуговицы, в пиджаке, напоминающем своим полувоенным кроєм какого-то восточного партократа, говорил спокойным, размеренным, каким-то механическим голосом. Его тон разительным образом контрастировал с неприятной

манерой время от времени потирать руками, словно в предвкушении особо приятного события. Может быть, как-то по-особенному волновался перед нашей встречей, но это движение начисто разрушало образ мастера плаща и кинжала. И все же я поймал себя, что моя рука коснулась фотоаппарата. Ну, нет, такого только попробуй щелкнуть. В лучшем счете до конца жизни будешь не вылазить из судебных разбирательств.

– Госпожа Елена высказалась в ваш адрес вполне определенно.

Седоватая борода дрогнула только на мгновение, но этого хватило, чтобы мой внутренний голос недовольно забормотал неразборчивые предостережения. С Еленой мы познакомились не так давно на одной из фотосессий известного профессионального фотографа.

Кто нас представил припомнить так и не удалось. Но следующие несколько недель пролетело подобно тому, какой является жизнь в эпизодах хорошего фильма. Воспоминания распались на цветные стеклышки эпизодов, чтобы через минуту вновь сложиться подобно яркой мозаике. Стоп кадр, потом еще и еще.

Она улыбалась почти всегда. Загадочная улыбка, скрывающая не менее загадочную внутреннюю силу, прикосновение которой мгновенно наполняло радостью жизни. Это необыкновенное ощущение не позволяло относиться к ней как к обычной фотомодели. Невозможно было назвать наши

отношения обыкновенным увлечением. И все же, как легко, с удовольствием приняла девушка мое предложение, также внезапно, словно привидение исчезла, не оставив никакого намека, никакой фразы, никакого самого малого объяснения происшедшего.

– Госпожа Елена обладает некоторыми способностями, свойственными в той или иной степени всем женщинам. И некоторым мужчинам.

Слова этого человека наполняют меня горечью. Совсем не хочется верить, что все, что связывало нас, было просто придумано, срежиссировано кем-то третьим, например этим человеком с серым взглядом и хвостом седых прядей за спиной.

Собеседник склоняет голову, заставляя невольно вздрогнуть, почувствовав, как будто эхо не произнесенных слов отзывается странным потусторонним шумом около сердца.

И все-таки непонятно, что имеет в виду человек сложивший руки домиком и скрывающий за этой фигурой свой взгляд. Мне кажется, что вся эта история слишком напоминает завязку классического детектива с роковой красоткой и двумя детективами. Пожалуй, стоит попробовать перехватить инициативу.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, господин...

И тут я понимаю, что даже не знаю точно, с кем разговариваю. Встреча была назначена с представителями фирмы, как мне представлялось необычного рекрутингового агент-

ства. И милый женский голос в телефоне сообщил, что на месте будет ожидать господин Джеральд.

– Господин Джеральд?

На этот раз я, наконец, удостоился взгляда второго мужчины. Некоторое время мы играем в гляделки и я, наконец, понимаю, что меня беспокоило все время с начала этой странной беседы.

Несмотря на все свое внешнее различие, во внешности, в манере поведения, в одежде они были как две стороны одной монеты. Сделаны из одного вещества, сплава неизвестного материала.

Я погружаюсь в невидимое болото, и глаза моих новых знакомых заталкивают глубже и глубже в отвратительную липкую жижу. Ощущая это почти материальное давление, не могу решить, что будет, если эта поверхность с гниющей зеленью сомкнется над головой, превращусь ли я в безмолвного истукана, испуганно внимающего самому слабому движению мизинца хозяина, или мое сознание просто растворится, добавив еще несколько ведер мутной жижи в подвластное их силе бесконечное пространство.

– Ваше пиво!

Ангельский голос возвращает меня к жизни и, приникнув к спасительному краю кружки, проглатываю почти половину поданного темного напитка.

– Вода жизни приготовленная самой Нефертити!

Девушка смотрит на меня удивленно и кажется, сейчас

особенно прекрасной. Нет ничего замечательней естественных эмоций на милом личике. Щелк и все они становятся очередным сокровищем, спрятанным в дебрях памяти моего фотоаппарата.

Мужчины спокойно ожидают окончания сцены. Их внешнее равнодушие не может не раздражать. Интересно, что официантка даже не попыталась спросить желают ли они заказать хоть что-то. Словно не заметила их присутствия за столом.

– Ваши фотографии.

Фраза застала меня за еще одним огромным глотком. Пиво попало не в то горло, я закашлялся, и некоторое время пытался прийти в себя, вытаращив глаза.

– Фотографии? Что им в моих фотографиях.

Старший мужчина, судя по всему, вновь потерял ко мне интерес и повернулся в сторону, где на небольшом возвышении артист начал извлекать печальные звуки, медленно перебирая струны испанской гитары.

Я спрятался за салфеткой и, вытирая лицо, попытался придумать слова, с которыми сейчас встану из-за стола и попрощаюсь с этой необыкновенной парочкой.

– Ваши фотографии. Не все, но некоторые. Вы фотографируете души.

Я оглянулся в сторону бара. Мне определенно нужна еще одна порция амброзии. Может даже не одна. Все заготовленные слова вылетели из головы, и я вдруг почувствовал себя

героем одного известного романа. Главное молчать!

– Возможно, вы неправильно меня поняли. Вы фотографируете не те души, о которых говорится в святом писании. Возможно, они и существуют, но я не могу утверждать это с уверенностью. Нет.

Трость постукивала в ритме понятном только музыканту и господину Джеральду. Другую руку он положил на грудь, словно сжимая нечто скрытое под дорогой рубашкой.

Его, так и оставшийся безмянным, спутник после небольшой паузы продолжает, одновременно рисуя на поверхности стола непонятные знаки. Хотя это уже совершенно точно может быть игрой воображения.

– Вы фотографируете тех, в ком сильна аура, она вечно играет в ожидании, в ожидании возможности раскрыться, показать себя миру. Во всей своей необыкновенной красоте.

– Как в вас.

Я даже сам не понял, как вырвалась эта фраза, но напряжение сразу схлынуло, улетучилось и, кажется, покинуло и моего собеседника. Но вместе с напряжением из него словно выпустили весь воздух.

Мужчина откинулся на спинку сидения. Теперь он был похож на случайного игрока сорвавшего большой куш в рулетку. Миллионера, который просто развлекается и удивлен, что пожелание, которое прошептала на ухо его подружка, вдруг превратилось в солидную сумму. Этот человек привык сражаться за каждый процент, за каждую копейку, наращи-

вал мускулы годами и вдруг, странным образом деньги появились из ничего.

– Прошу прощения, я не верил. Ну, в общем, не совсем. Допускал наличие случайных обстоятельств. Ну, тем лучше, тем лучше.

Кажется, этот стаут был крепче обычного. Но мне, тем не менее, настоятельно требовался еще один бокал. Предыдущий опустел необыкновенно быстро и теперь, только жалко сползающая по помутневшей стенке струйка пены, напоминала о том, что я уже употребил половину того, чем обычно радовал себя целый вечер. Впрочем, не удивлюсь, если этот тип в сером френче способен управлять временем. Или его приятель. Скорее он.

– Вы еще успеете заказать себе свой любимый напиток. Или даже чего-нибудь покрепче. Мы предлагаем вам работу.

Это мерное постукивание начало раздражать и все-таки я почувствовал себя лучше. Работа мне сейчас не помешала бы. Какой-нибудь заказ, лучше конечно здесь, на месте. Не очень люблю менять обстановку. Но в этих людях было нечто, что заставляло не просто трижды подумать, а просто придумать повод отказаться.

– Я вижу, вы колеблетесь. И совершенно зря.

Безмянный наниматель выдавил на лице подобие улыбки и еле заметным жестом подозвал к столику давнишнюю девушку.

– Мне стакан воды. Без газа.

Музыкант прекратил свою игру и вместе с окончанием музыкальной фразы закончился мерный перестук. Помахивая тростью, господин Джеральд неторопливо отправился к возвышению и, наклонившись к гитаристу, что-то прошептал.

– Господин Джеральд умеет находить подход к самым тонким натурам. Он всегда поражал меня. Своей силой, своим умением отыскать красивое решение в каждой ситуации.

Музыкант заколебался всего на мгновение, а потом, кажется, улыбнулся, причем почему-то как показалось, улыбнулся слегка недоверчиво. Неуверенно склонился к инструменту, тронул струны и печальные звуки вновь заставили меня подумать, что пора бы уже покинуть это вроде бы гостеприимное, но все-таки странное место.

– Вот ознакомьтесь. Контракт официальный. Со стороны нашей фирмы уже подписан мной. Так что вам, молодой уникам, осталось только прочитать и расписаться. И вуаля.

Я замер, в совершенно неудобной позе успев оторвать свою пятую точку от стула, но не в состоянии сделать ни шагу. В руках каким-то магическим образом оказалась кипа белых листочков исписанных мелким шрифтом на неизвестном мне языке. Почти обычный латинский шрифт был словно засеян также буквами с всякими хвостиками, точками и кривыми черточками.

– Жаль, что вы не знаете польского. Но это легко поправимо. Очень легко. Как видите там, рядом есть так же текст

на русском.

Кажется, характер этого человека был подобен морю, уследить за приливами и отливами его настроения было невозможно. Подавив, еще раз возникшее, чувство неуверенности принимаюсь читать убористый текст.

– Стоит ли раздумывать, коллега? От таких предложений не отказываются.

Девушка спотыкается, не успев дойти до нашего столика всего пару шагов. Стакан выпадает из ее рук и через мгновение разлетается на множество мельчайших осколков.

– Каблук сломался. Мелочь. Так бывает.

Девушка сидит на полу в самой глупой позе и слезы отчаяния и обиды уже наполнили устремленные в мою сторону серые глаза.

Тишина вокруг заставляет почувствовать себя последним негодяем. Почему я по-прежнему наблюдаю с отсутствующим видом. Почему отвожу глаза и позволяю поднять официантку какому-то невесть откуда появившемуся парню в кожаной черной жилетке?

– Обратите внимание, как теряются женщины, столкнувшись с какой-нибудь неожиданностью. Как нелепо, растерянно выглядят самые красивые, самые уверенные из них, оказавшись в подобной ситуации. А казалось бы, что здесь такого необыкновенного, просто стакан воды.

Администратор у бара уже вовсю пыталась успокоить девушку. Оказавшийся рядом парень отчаянно жестикулиру-

ет, словно пытается объяснить всю картину произошедшего. Через мгновение они исчезают в дверном проеме, а я понимаю, что все совсем не так просто и для работницы бара повод для расстройства куда более серьезный, чем стоимость разбитого стакана.

Мой партнер щелчком сбивает со столешницы почти незаметный осколок стекла. Ловкие у него руки, ничего не скажешь.

– Не волнуйтесь. Девчонке вы все равно никак не сможете. Будем считать, что ваша работа уже началась.

Глава 5. Март. Серое

Отделение полиции остается позади и теперь, мне следует не потеряться в пространстве и отыскать остановку автобуса. Я слабо знаю Новый город с этими многоэтажками и пустотой вокруг них. Может быть, именно из-за этой пустоты, когда Компания предлагала мне двухкомнатную квартиру в башне, я отказалась.

Зато, взамен мне перепало чудное место рядом с очень приятной, немного архаичной, пешеходной улицей. Утром можно было успеть спуститься в кофейню на первом этаже, практически на ощупь, на запах первого свежезаваренного кофе, а потом наблюдать в окошко движение всех этих первых воскресных заспанных призраков, торопящихся куда-то непонятно зачем или наоборот не спеша перемещающихся от витрины к витрине.

Так что мне повезло. Но теперь это все, пожалуй, останется в прошлом. Не знаю, будет ли город, где я сейчас обитаю, расстроен этим хотя бы на секунду. Или обрадуется тому, что среди его обитателей больше не будет такой странной и совершенно чуждой ему по духу девушки. Сам по себе город самый обычный, среднестатистический российский областной центр. Немного патриархальный, в самом хорошем смысле этого слова. У нас все как у всех. Есть широкая неторопливая река, у которой принято гулять и летом и

зимой. Я действительно люблю сидеть с книжкой на берегу, время от времени поглядывая на баржи, проходящие мимо с тихим плеском волн и монотонным стуком машины буксирчика. Словно тьякканье маленькой, но очень радостной и активной собачки. Потом снова наступает тишина и затихающий шепот волн. Плиты на набережной уложены еще при царе Горохе и летом между ними прорастает трава, и даже одуванчики. Такая прелесть!

Есть улица Захарова где, кажется, все сохранилось с советских времен. Длинная и прямая, как будто прокладывая ее, архитектор смотрел в будущее через телескоп. Сюда, кажется, принято ходить за покупками. Есть драматический театр, которым все здесь гордятся. Может быть, мне не очень везет потому, что я ни разу не бывала в этом восьмом чуде города и поэтому до сих пор не могу быть принятой в ряды своих, местных. Эту теорию стоит рассмотреть, но не сейчас, театр остается позади, и я начинаю готовиться к выходу. Впрочем, готовиться, наверное, громко сказано, просто застегиваю молнию на куртке и, отчаянно вжимаясь в кресло, старательно пытаюсь отогнать печальные мысли. Но все напрасно, сейчас, наблюдая за всеми этими такими обычными домиками, из окна автобуса с тоской понимаю, что, скорее всего, даже эта своеобразная красота мне скоро будет недоступна.

Кто согласиться работать рядом с такой странной личностью? Я честно старалась не обращать внимания, что с неко-

того времени коллеги на работе стали меня сторониться. И даже Марина, с которой мы прошли огонь, воду и математическую логику в универе, приехали сюда именно потому, что это было единственное место, где требовалось сразу два специалиста, теперь она словно жила на другой планете.

– У тебя глаз какой-то тяжелый, Ника. Иногда смотришь так, словно внутрь заглядываешь, в самую глубину. Аж, до дрожи. Ведьмовский какой-то взгляд.

Вот и приходилось мне скучать в кофейне одной. Что касается взгляда, то я после таких слов специально изучала себя в зеркало, наверное, час или больше. Потом дома при свечах искала, где же этот взгляд ведьмовский. И ничего. Глаза как глаза. Серые, мамины. Вот у папы, у того взгляд был действительно особенный. Как взглянет, так я уже за маминкой юбкой затаилась, с закрытыми глазами. Но так он вообще был необыкновенный человек.

А у меня только слезы. И темнота от воспоминаний. Вот и сейчас все посерело, словно облако набежало. И кто дома красит в такие невзрачные цвета?

Иду по опустевшему тротуару и продолжаю сеанс самодетства. Любимое занятие девушки Вероники. Глаза смотрят под ноги и не видят все равно ничего, спотыкаюсь через шаг. Вот так у меня постоянно.

Сложно работать, тем более в логистике, когда все тебя сторонятся, и даже в перерыв в столовую идешь одна. Может поэтому обещанные перспективы в этой фирме раскры-

вались перед всеми, но не передо мной.

Ну, конечно, наверное, люди были правы. Наш отдел был какой-то несчастливый. Все успехи обязательно присваивали себе либо транспортники, либо непосредственно производство. О, производственники были на коне очень часто и нам обязательно показывали результаты их деятельности, свежеекрашенные или блестящие никелем машины, которые с каждым разом что-то там делали быстрее или сильнее, или мощнее.

Ну а мы, что мы? Просто привозили именно в тот день, когда надо, какую-то кучу железяк или шурупов и потом уныло поддерживали их количество на складе год или два, пока их не заменят другими шурупами, на миллиметр длиннее. И этих всяких штуковин сотни и тысячи. Я даже не представляю, как выглядит вся эта ерунда. Таблички, нолики, циферки за месяц, за период.

В общем, наш отдел был как-то всегда рядом, в тени финансистов или разработчиков. Им доставались премии, а нам цветочки на восьмое марта.

Хотя, наверное, зря я сейчас вспоминаю те времена с такой неприязнью. Я не права. Впрочем, я часто бываю, неправа в самых простых житейских ситуациях. Но главное, совсем не умею держать язык за зубами.

Автобус резко тормозит, и мужики вокруг начинают тренироваться в знании некоторых специфических особенностей русского языка. Пробираться к выходу сквозь толпу от-

ходящих от вчерашнего праздника нервных людей, с моей комплекцией не самое приятное дело. К счастью, сегодня почти все они расступаются, уступая дорогу без слов. Чувствуют, что на грани или действительно научилась превращать в камень взглядом.

К вечеру похолодало, и я вдруг понимаю, что одета совсем не по сезону. Ну, конечно же, платье, в котором я до сих пор пребываю очень хорошо подходило для вчерашней вечеринки, а курточка годилась для быстрых перебежек от такси до подъезда. В таком виде отправиться на пешеходную прогулку в марте месяце могла только дурочка, находящаяся в беспамятстве. Но если подумать, кто же я на самом деле? Совершенно неожиданно для себя я топнула ногой и только в последний момент вспомнила о каблуках. Встречный мужчина и без того старательно пробирившийся мимо меня на максимально возможном расстоянии почти врос в стену.

Прибавив шаг, успеваю расслышать что-то про “мое” и поспешила скрыться за угол. Сейчас мне совсем не до кофе и знакомые витрины промелькнули мимо. Отбитая и обвалившаяся штукатурка у дверей подъезда напоминает распахнувшийся в беззвучном крике рот. Дом, как усталый старик, в очередной раз пытается произнести какие-то известные только ему слова. Впрочем, он старается зря, я помню эту фразу наизусть. Ника, ты что, опять?

Глава 6. Март. Серое, черное, зеленое

Следующие дни проходят как в тумане. Я бессмысленно слоняюсь по городу, выключив телефон. Даже одна мысль о работе вызывает непреодолимое отвращение и чувство потерянности.

Я просто не знаю, что мне делать. Долго стою на берегу реки и смотрю на медленно плывущую серую мутную массу. Есть ли какой-то смысл в происходящем со мной? Есть ли вообще хоть какой-то смысл во всем?

– Воистину странная вещь вода, не правда ли?

Голос, прозвучавший из-за спины, заставил вздрогнуть. Холод сегодня издевательски легко находил дорогу под курткой, и от мурашек устроивших свой забег по плечам не помогало даже то, что я спрятала руки в рукава.

Произнесенная фраза наверняка была приглашением к беседе, но я постаралась изобразить полное отсутствие интереса. Только общения с незнакомым мужчиной мне сейчас и не хватало.

– Вы, который день приходите сюда, на это место и наблюдаете за тем, что скрыто от глаз обычного человека. Что вы хотите найти в ней, что может привлекать в этой неподвластной другим силам темной стихии?

Я рассердилась. Рассердилась и расстроилась. Неужели этот человек в длинном черном пальто, застегнутый на все пуговицы словно затянутый в футляр темноты специально следит за мной? Шляпа с широкими полями мешала разглядеть цвет глаз незнакомца, и только легкие морщинки, разбежавшиеся в уголках глаз, и скорбно повисшие у рта позволяли догадаться, что мужчина уже не молод. Впрочем, он видимо и не пытался скрыть свой возраст, так как почти демонстративно опирался на толстую коричневую палку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.